

Цепной Рассказ

1.

Курносая высекла шпилькой искру из плиточной дорожки и поцокала мимо его оранжевой палатки, разбитой на газоне посреди города. С опозданием обнаружила Опрю, порывисто вернулась и потребовала:

— Проводи!

Она была по-весеннему оголена в полумаечку, в пупке жемужно блестела бусинка.

— Я на цепи...

Возлежавший в шезлонге Опря высунул из-под пледа худую ногу в шлепанце и рассыпчато брякнул цепью. Цепь завершалась железным обручем-хомутом у него на лодыжке. Закованность человека, похожего на мощи, ее не смущала — непонятное или дикое пьяных не удивляет, а даже провоцирует на вызывающие глупости. Она отошла на несколько шагов, присела у зачехленного в белое бюста, долго журчала, еще дольше возилась с зиппером. Отдернула простыню, глянула в каменное лицо с утяжеленным подбородком и заключила:

— Не похож.

Прошел пожилой негр в шерстяной шапочке не по сезону — наверное, моряк. Увязавшиеся за ним двое разновеликих подростков напористо кланчили:

— Товарищ богатый иностранец, мани!

Притормозили дачные старики с ручными тележками, любознательно остановились возле планшета перед палаткой Опри, к планшету были прикноплены листовки, подсвеченные китайским фонарем, похожим на кофемолку. На одной листовке уже кто-то написал из озорства: "Бога нету!" и дальше: "Бог для всех!".

В листовках объяснялось, что председатель профкома судоремонтников Клим Опря объявил бессрочную сухую голодовку в знак активного протеста против произвола местного отдела минюста, указывались фамилии и должности чиновников-обидчиков, блокирующих перерегистрацию профсоюза по формальным поводам. Один из пенсионеров расчувствовался, сутуло наклонился над ним, как над покойником, слюняво чмокнул в белую повязку на лбу и прошамкал:

— Держись, ребятка!

Опря юркнул в палатку, помочился в бутылку, стряхнул. Старики потарахтели дальше, а запах старости и табака остался. Шли десятые сутки голодовки, обоняние у Опри было живоотно обострено, как, впрочем, и слух, и зрение, он слышал сонный стрекот спящих птиц, по-кошачьи различал в глубокой лунной тени силуэты бродячих собак. Опря промокнул лоб салфеткой, ему были противны случайные поцелуи, прикованность к стволу софоры мешала отклониться от излишней солидарности, тем более что симпатии выражались не по адресу, простодушный народ не шибко вникал, что за конкретный тред-юнион поднялся на дыбы, а надо бы.

На рубеже эпох, когда все митингово низвергали профсоюзных соглашателей, крепкий заводской профсоюз возглавил в открытую критиковавший начальство Опря. Клим Макарыча электризовали общественные скандалы, работа же слесарем 4-го разряда в корпусном цехе ограничивала перспективы. Жили тогда по инерции на широкую ногу, директор даже сгоряча выделил Опре джип "PATROL NISSAN", изъятый таможеней у недобросовестной экспедиторской шараги.

Будучи человеком каверзным и неблагодарным, Опря оседлал джип как должное, и стал уличать директора в левых заказах, двойной и даже тройной бухгалтерии, не подтверждая обвинений фактами. Директор тогда еще пользовался авторитетом у рабочих, приободренных бригадными подрядами, аккордами и четырехзначными зарплатами, и Опрю просто отодвинул. Лидером тред-юниона назначили зеленого инженера-менеджера, а джип отобрали. Обиженные скандалисты и лентяи отпочковались в мятежный профсоюз, который в предчувствии реванша окрестил себя "Перемогой". Когда "Перемог" выкурили из музея истории завода, профком переселился на бесхозный аварийный дебаркадер. С независимой плавучей территории Опря продолжал разоблачать директора, упирая на то, что из-за левых заказов страдает казна, и учителя бедствуют.

"Доменеджерствуете!" — скалился Опря со страниц многотиражки.

— Время трудное, подтягиваемся, — объяснял задержку зарплаты рабочим директор.

Все понимали, что без левых заказов заводу в условиях налогового пресса не выжить, и Опря понимал, но, избрав проверенное оружие провокаторов — запугивание, он заручился поддержкой радикальной урапатриотической партии, ее листовки висели у палатки.

Опря приехал в молодой город-спутник лет тридцать назад по оргнабору из сальских степей, где в глухом горько пьющем селе скудно жили

потомки переселенцев с полтавщины в пятом поколении, потому свои национальные корни поставил во главе угла. Правда, ему пришлось заново изучать родной язык со словарем. Патриотизм Опря обнаруживал в глобальном масштабе, а в свое депрессивное село не выбирался даже на похороны.

К крестовому походу против директора Опря привлекал и детей. Завод тратился на содержание детской гандбольной секции, казалось бы, и на этом спасибо. Но когда дети поехали на соревнования, Опря подговорил родителей потребовать еще и оплаты дорожных расходов, что заводу было не под силу.

С потерей левых и даже правых заказов дела на шип-ярде пошатнулись, и конфронтация "Перемоги" с директором перешла на личности.

— Мы вас посодим! — прелюдно угрожал директору Опря, и неробкий директор отключал за неуплату свет на дебаркадере.

— Почему светом попрекают, — возмущался Опря, — мы же плотим.

Свет ему был политически необходим, потому что, во-первых, он регулярно смотрел национальный канал по переносному телевизору "Шелялис" и, во-вторых, для бытовых спартанских нужд: чайку вскипятить или обогреть самопальными козлами-тенами непримиримую территорию, на которой он еще и квартировал. Двухкомнатную квартиру в перепланированной "гостинке" Опря оставил первой жене, разумеется, не выписавшись, а сам проживал с видом на море, причем из всех иллюминаторов сразу, с секретарем "Перемоги" Эмилией, которую упрощенно поморскому называл Милей. Миля была крепкой молчаливой девушкой, лет на двадцать моложе Опри, зимой и летом щеголяла в жилетке на кроличьем меху, в ее обязанности входило подшивать газеты и футболить особо настойчивых кляузников.

— Клим Макарыч в партийной командировке, — отшивала она требователей мыла или спецодежды. Миля величала его по имени-отчеству, возможно, даже в постели, в отличие от первой жены, которая называла его неизменно "мудылой" и обрушивала на Опря проклятья за всю свою поломанную жизнь, — у них давно на пляже утонул ребенок.

— Как вам нравится, он с ней в гражданском браке! — поносила беглого мужа-общественника первая. — А я, получается, была в военном?

Миля переписывала нервные каракули Опри круглым женским почерком и носила в редакцию городской газеты, потешавшейся над профсоюзной корридой. Правда, однажды она протабанила, написав "Болгарский пароход "Алабама" отбыл в Объединенные Арабские Эмигранты",

описку не заметили, и директор долго рвал живот. После объявления электрической блокады Опря пытался кипятить чай на костерке, разведенном прямо на палубе "Броненосца в потемках", так недруги окрестили дебаркадер, но заводской пожарник профсоюзные кострища строго запретил.

В кафе "Дрофа", которое народ обозначал "Дровами", приглушили громкую музыку, и Опря услышал разговор:

— Нас вчера буксир притаскал к третьему причалу, — сказал один, — да вон он стоит.

Пароход был освещен прожекторами с порталных кранов, задранные крышки трюмов напоминали паруса, на бакборте была нарисована музыкальная нота.

— Ну, так сиди на нем, не рыпайся, — посоветовал другой, они присели за кустами сирени на молодой травке.

— Могут кышнуть, возраст зашкаливает.

— "Потеряй" паспорт. Менты за штуку баксов выпишут новый, скотят тебе десять лет, получишь по нему паспорт моряка на новую дату рождения, а липовый гражданский при тебе порубят на мелкие кусочки в специальной машине, тем более выглядишь ты моложе...

— Бьют же не по фотографии, а по морде. А там что, палатка, бомжуют?

— Один клоун с завода голодует.

— Значит, знает за что.

— Еще бы! У тебя высчитывают в профсоюз по десять зеленых каждый месяц, а кто-то их получает.

— Пошли кукнем, — предложил один.

— И я получу свой Гала-концерт. Гала пристраивает мне концерты, когда я под этим делом.

Они подались к "Дровам".

Моряков Опря всегда считал неудачниками, на поддержку же или хотя бы сочувствие аполитичных масс не рассчитывал, их близорукость — их беда, а не его. Но теперь к нему относились неодушевленно, как к дереву или траве, а дерево можно срубить.

— Дай закурить, — язык у курносой шалил, небось, полировалась в "Дровах".

Опря курил только в детстве, когда воровал с крыш самосад, не пил же никогда, даже не пользовал дармовой спирт в авиации, где служил срочную.

Она таранила палатку, чуть не завалила, нашарила входное дышло.

Опря, брякнув цепью, юркнул, чтобы припрятать кулек с клизмами, клизмы ему ставила Миля.

— Да ты никак цепной! Как собака? — она не помнила. — А если бензином плеснут?

Цепь метров пятнадцать, подлиннее, чем у собаки. Вася Сень, Семь-Восемь, его зам, обвинил цепью ствол софоры напротив окна отдела юстиции, чтоб бюрократы видели день и ночь, соединил звенья болтом на двадцать четыре, а болт расплескал, не раскрутишь. Грохнут, а потом на бомжей спишут, дескать, придушили из-за теплых вещей. Вон, стоит один. Под зданием суда замер небритый в шапочке, он собирал в бутылку капли конденсата, который терялся с кондиционера на втором этаже, возможно, выжидал, когда дворничиха освободит мусорный бак. Ненормальная ночная дворничиха взгромоздилась с метлой на бак и трамбовала содержимое, ломко треща пластиком. Казалось, взлетит, как баба Яга. Наших летчиц на ночных бомбардировщиках немцы называли ведьмами. Ночные ведьмы вручную бросали бомбы через плечо. Взлетела бы, и пару зажигалок — на отдел юстиции.

— Я имею право на слабость? — рука коснулась низа его живота, но, не нащупав на спортивных брюках ширинки, полезла под резинку. Несмотря на потерю сил, он возбудился, но все-таки вытащил ее ладошку из промежности.

К банку подрулил милицейский "бобик", проверяли раза четыре за ночь, иногда справлялись, не обижают ли. На милицию Опря никогда не полагался, но и не презирал, в меру даже завидовал стражам беспорядков, их боялись.

Сержант вылез из машины и позвал через банковскую дверь:

— Альберт! Дай пять рублей.

— Я же заперт, — ответили из банка.

— А ты подсунь под дверь, — сержант присел выуживать.

— Вот пидер! — громко сказала она, сержант даже оглянулся.

Нашарила в палатке бутылку, присосалась, ей повезло, в бутылке была минералка, а не моча.

"Бобик" метнулся к "Дровам", быстро вернулись к раскутанному бюсту.

— На Тайсона похож, — сержант задернул простыню. Разлили в разовые стаканчики. Из машины, напоминавшей ботинок, решительно вышел человек и направился к ним.

— Шкряба, как это называется? На службе...

— Товарищ майор, у меня свояк с рейса пришел, — сержант протянул майору в штатском стаканчик. — За тех, кто в море, а?

— Ну, ты меня подписал! — майор принял тару — видимо, в прожитой биографии имел отношение к морю. Когда туфель уехал, разлили по второй. Сержант закурил, балагурил, чувствовал себя ловким хозяином ночной жизни.

— Подонок! — снова громко сказала она, но сержант уже не услышал. Она снова полезла к Опре, он снова отстранился.

На электронных часах у банка было без десяти два, в два приходила Миля, обычно с кем-то из активистов "Перемоги". Опря тряхнул курносую, она не просыпалась. Он потащил тело, она вцепилась в стойку, чуть не опрокинули палатку, курносая лягнула его, шпилька угодила в раскрытый рот. Он вылез отплеваться.

— Мы думали, ты уже дрыщешь, — сказал Семь-Восемь.

Миля принесла целый блок минералки, совсем с ума посходили, упаковки хватит на месяц, столько ему не проголодать.

— Минюст согласен подписать регистрацию с двумя поправками, — выложил Семь-Восемь.

— Никаких поправок! — проямлил Опря слабым голосом.

Миля домовито полезла в палатку забирать мочу, быстро отбуксировала за ноги курносую, все молча, дотащила до кустов и бросила. В кусты же следом полетел остроносый туфель.

— Падла-а-а! — курносая вцепилась в меховую жилетку. Семь-Восемь стал разнимать клубок на траве. В банке зажгли свет. С воем прикатила мигалка. Сержант закурил и тяжело процедил:

— Где она?

— Кто? — уточнил Опря.

— Моя жена. Если с ее головы волос упадет, повешу на цепочке.

Палатка держала запах семейного перегара.

В три часа ночи начальнику областной службы юстиции позвонили из милиции города-спутника. Он же поднял с постели минюстовцев города-спутника.

— Кончайте бадягу, — распорядился он. — Немедленно подписать! Не хватало еще милицию в эти дрызги ввязывать. Завтра же открытие памятника. Никаких караван-сараев у бюста быть не должно!

2.

Сорокалетний город, который уже не называли молодым, стал для Опри ареной борьбы, но так и не стал родным до кома в горле. Опря не был человеком прерванного полета и не летал даже в детских снах, его не откры-

ляли перспективы развития микрорайона или порта, или завода, хотя они даже после развала и хозяйственного запустения не были исчерпаны.

Задумывался населенный пункт как портовый город-спутник известного мегаполиса. Порт мегаполиса был зажат в тиски, захлебывался от грузов, а молодой порт на берегу углубленного лимана должен был его разгрузить. Обещанного слияния не случилось, город развивался самостоятельно и стал на самом деле спутником крепкого колхоза "Революция", так же называлось и благоустроенное село с привольными асфальтированными улицами, удачное его продолжение. Или начало. Симбиоз был взаимобогащающим, в "Революции" находилась птицефабрика, она поставляла городу курятину, свежие яйца, сушеный помет для удобрений в бумажных мешках, а порт — рабочие места. Благодаря занятости революционеров в смутное межвременье агрофирма не разделилась инфузорно, в селе не разбирали коровники и не городили из добытого камня церквухи, как окрест. Наверное, занятость населения была главным козырем выжившего в "неимоверных" условиях хозяйства, и никакого феномена здесь искать не надо. Устойчивый инерционный подъем на фоне коллапса ставили в заслугу кормчому "Революции", проворному и дальновидному хозяйственнику Ивану Карловичу Мыцу, народному депутату первого и последнего Верховного Совета СССР, уважаемого в области руководителя.

"Память об Иване Карловиче в тугом колоске, — писала районка. — Он был метр сельхозпроизводства, большой любитель земли".

Вспоминали, что Мыцу редко бывал в кабинете, мотался по полям, решая вопросы с нужными руководителями, для чего в багажнике его "бобика" всегда имелась баклажка густого вина и лепеха овечьей брынзы.

Когда Мыцу помер, районка обещала:

"Мы будем долго верстать его исторические вехи, которые пока целиком не оценили".

На пятилетие готовились к открытию бюста. Бюст выглядел богато, фигуру вытесали из белого янцевого гранита, капитель из лезникового камня, а постамент из лабрадонита, добытого в том самом карьере, который поставлял плиты для мавзолея Ильича.

Приглашенный из Житомира мастер, который представлялся не скульптором, а каменяр, сработал бюст по фотографии, живьем увидеть Мыцу ему не довелось. Каменяра терзали сомнения, он с рассвета скрипел козлами и мелко тюкал зубилом. Солнце поспешно перемещалось, менялось выражение гранитного лица, каменяр даже обнаружил в нем недовольство и откалывал крошку за крошкой.

Торжественное открытие назначили было на 14 часов, и потому каменяр тюкал лихорадочнее. Опре после безумной ночи хотелось спать, но каменяр все тюкал.

Городской суд по случаю торжеств функционировал только первую половину дня. Опря надеялся, что именно в эту половину акция вынужденно разрешится в его пользу.

В десятом часу из двухэтажного здания суда действительно вышел осанистый сотрудник, заместитель начальника отдела юстиции, отставной юрист, которого актив Опри прозвал трибунальщиком.

— Он в состоянии говорить? — деловито выяснил юрист у Сеня, как будто Опря уже ни говорить, ни соображать не мог. — Принимая к сведению опасность нарушения здоровья бастующего, минуэт принял исключительное решение перерегистрировать профсоюзную организацию немедленно с замечаниями, которые, хочется верить, впоследствии будут учтены, — огласил юрист позицию властей. — Вот — акт, распишитесь.

Миля для пущей жалости поддерживала сожителя под локоток.

— А печать? — спросил Опря.

— Печать можно поставить в канцелярии народного суда, распишитесь.

— Печать минуэта, — настаивал Опря.

— Ключи от сейфа у начальника отдела, он вечером вернется из командировки.

— Тогда и будем говорить.

— Вопрос на контроле у губернатора, уверяю вас. Спор разрешен в вашу пользу. Вы напрасно нарушаете свое здоровье.

Опря положил мощи на шезлонг и закрыл глаза.

Грузовой милицейский УАЗ привез из "Революции" на суд цыган. Цыгане, муж и жена, дружно и легко спрыгнули с кузова, запястья их были соединены наручниками. Муж выглядел пухленьким заросшим мальчиком, она — маленькая, худая, в длинной черной юбке, возмущенно курила. Конвойный помогал шоферу возиться с колесом.

— Уголовное дело уже завернули, — бросил кому-то мужчина с папкой, блеснув очками и зубами.

Цыгане углубились в заросли поближе к палатке, конвоир заметил, но не запретил.

Она балаболела на ромском языке, густо пересыпанном матом.

— Сиди тихо, пока я устал! — оборвал мальчик.

Она снова принялась его упрекать, может, в нерешительности.

— Не манди! — взвился мальчик и стукнул ее в бок свободной рукой. Она замолкла, как будто из нее выпустили воздух.

— Ты что, не можешь им денег дать, чтоб подписали? — спросил цыган у Опри.

Она закатала рукав, слегка склонилась, передала мужу шприц. Порожний шприц выбросили к палатке.

"Еще подумают, что я ширяюсь, — подумал Опря. — Они хоть друг к другу прикованы, а я к дереву".

Снова появился с папкой.

— Надо сдвинуть все с мертвой точки, — напомнили ему.

— Мертвая точка — морг, — пошутил тот.

К полудню грачей потревожил хлесткий пересвист лопастей. Вертолет летел низко, видимо, вез начальство из области. К зданию суда торжественно выползла колонна высоких комбайнов, железное стадо лохматило ветки, цвет каштанов осыпался на кабины. Комбайны выстроились в каре, отгородив палатку от бюста. Один стал дымно фыркать. С высокого мостика соседнего крикнули:

— Мыкола, спыняй, тут же людына голодуе.

Митинг начался ровно в 14 без опозданий.

— Первая ласточка — его бюст, — сказал председатель поселкового совета, — а копию поставим в спортзале.

Последним выступил автор.

— Когда ко мне год назад приехал председатель сельсовета делать заказ, — поделился каменяр, — он говорил за Ивана Карловича, как за родного человека, я это почувствовал.

Покрывало сползло. Клацнули затворы. С залпом снялись грачи.

Парад комбайнов умышленно задержали, чтобы начальство улетело, не хотели оголять палатку.

Поздно вечером прикатила машина с мигалкой, в кабинете отдела юстиции зажегся свет. Вышли двое и напрямик по траве пошлепали к палатке. Машина развернулась и нацелила слепящий свет фар на Опрю. Как перед расстрелом. Начальник отдела юстиции зачитал решение, вручил Опре экземпляр и даже похлопал по плечу. Опря проверил наличие нужной печати, ему не понравился бледный оттиск, и он потребовал его усилить.

— Диванна, будьте любезны, — попросил начальник секретаря Дину Ивановну, с трудом сдерживая ярость. Метнулись за печатью.

Семь-Восемь вызвал по мобилке мотоцикл с инструментом. Зубилом перерубили цепь.

Семь-Восемь откупорил шампанское. Миля плеснула Опре из термоса капустного бульона.

— Всем нолито? — справился Опря. — И сверните палатку, отвезем ее на дебаркадер.

— Клим, мы не хотели тебя огорчать, — признался Семь-Восемь, — но дебаркадер сгорел.

3.

Дебаркадер не только сгорел, но и затонул. Опря через две недели после реабилитации бульонами подал иск на руководство завода, якобы организовавшего умышленный поджог. Директор обозначил катастрофу малым поджогом Рейхстага и пообещал стоимость судоподъема вычесть из зарплаты Опри, дебаркадер-утопленник препятствовал движению малого флота в акватории. Опря пробовал натравить радикальную партию, налицо была оскорбительная параллель, но в партии наметился раскол, и директору все сошло.

Председатель же сателлитового профсоюза, шустрый менеджер, подал встречный иск: в одной из листовок Опри вместо "председатель", написали: "предатель заводского профсоюза", опять Миля протабанила. Иск менеджера был конкретнее, Опря процесс проиграл, его наказали копеечным штрафом, пожалели. Поражение, однако, ожесточило его для борьбы, он ходил в суд, как на работу. Однажды забрел не в тот зал, промахнулся, хотя их всего четыре, и у судебного секретаря, дамочки, пишущей протоколы, попросил выписку.

Она пробежала его запрос, вернула и подняла глаза. Это была курносая. Он ее узнал, хотя она поменяла прическу и посвежела.

— Вы меня не припомните? — спросил Опря.

Ни одна мышца не пошевелилась на ее лице, ни один волосок не колыхнулся в прическе.

Получалось, ночной эпизод выпал из ее памяти, так выпадают события у пьяного. Навсегда. Он побрел от храма Фемиды нежелательной дорогой, которую раньше старательно избегал. Увидев его, первая жена оцепенела. Она торговала под памятником Мичурину семечками и окаменевшей разовой жвачкой. Только воробей не растерялся, вцепился лапками в край стакана-гранчака и отважно лушил семечки.